

*Н. П. Крадин
(Хабаровск)*

Русские художники-эмигранты в Китае

Культурное наследие Русского Зарубежья привлекает внимание исследователей, начиная со второй половины XX в. Уже изданы монографические исследования, огромное количество статей, энциклопедические справочники, книги, посвященные отдельным персоналиям. Тема Русского зарубежья, как показывают материалы исследований, многообразна, неисчерпаема и таит в себе еще много неизвестных страниц. Многочисленные работы, посвященные названной теме, охватывают в основном русскую эмиграцию, осевшую в европейских странах. Вместе с тем, огромный пласт русской эмиграции находился на востоке, в частности в Китае. Этот пласт оказался настолько мощным и интересным, что сегодня становится ясным — без его изучения история отечественной культуры остается недостаточно исследованной. К сожалению, о восточной ветви русской эмиграции, ставшей явлением русской культуры в Маньчжурии, мы знаем пока еще мало. Нам следует отыскивать следы деятельности в Китае русских художников, архитекторов и представителей других творческих профессий, исследовать и обнародовать их сохранившиеся произведения.

Нужно отметить, что на начальном этапе эмиграции довольно много представителей творческой интеллигенции, в том числе и художников, оказалось в Харбине, но в последующие годы они рассеялись по разным городам Китая, а некоторые попали и в другие страны. На основе многолетних исследований автору удалось выявить в архивах материалы и биографические сведения о 165 художниках, так или иначе связанных с Китаем. Многие из них прожили в этой стране несколько десятилетий. Оказавшись в эмиграции, художники, как и прочие эмигранты, вынуждены были искать любую работу, и их творческая деятельность чаще всего

была направлена на то, чтобы заработать средства на проживание. Имевшие в России не только творческую, но и педагогическую практику, многие из художников открывали студии, мастерские, в которых обучали искусству желающих. Уже в первые годы эмиграции в Харбине по инициативе А. А. Бернардацци, М. А. Кичигина и А. К. Холодилова была основана студия «Лотос». Еще в России имели многолетнюю педагогическую практику Н. А. Вьюнов, Л. К. Гринберг, А. Н. Клементьев, П. В. Николин-Тепляков, В. Е. Панов, В. С. Подгурский, А. Е. Степанов, П. Ф. Федоровский и другие художники. Именно они и стали в Харбине руководителями собственных студий и мастерских.

Еще одно направление творческой деятельности художников-эмигрантов было связано с иконописью. Наплыв из СССР нескольких десятков тысяч православных эмигрантов стал толчком к строительству в Харбине культовых сооружений. К началу 1940-х гг. в городе стало более 20 одних только православных церквей. За годы эмиграции в Харбине сложилась довольно большая группа профессиональных и самодеятельных художников и декораторов, специализировавшихся на выполнении стеновых росписей и иконописи. Они работали не только в Харбине. Наиболее известных из них приглашали в другие города Китая, где строились православные храмы, и даже в Японию. Художественные произведения играли важнейшую роль в убранстве церквей, подчеркивая идейную и символическую значимость внутреннего пространства храмов.

В доэмигрантский период все первые храмы в Харбине оснащались церковной утварью, заказанной в России и привезенной по новой дороге железнодорожным транспортом. Часто богатые харбинские купцы на свои средства заказывали иконы или колокола, а потом преподносили их в качестве дара храму. Когда Харбин пополнился эмигрантским населением, здесь появилось немало художников, так что направлять заказы в Россию уже не было необходимости, к тому же в самой России при советской власти церкви стали повсеместно закрываться, ликвидировались и иконописные мастерские. Сосредоточение большого количества художников, знавших историческую живопись, а также появление с беженской волной духовных лиц, занимавшихся иконописью, — все это способствовало развитию непосредственно в Харбине самостоятельной школы церковной живописи. Иконописные работы выполнялись и в специализированных мастерских, которые открывались в Харбине. В городе даже существовало общество «Икона», созданное при епархиальном совете и объединявшее художников, специализировавшихся в церковной живописи.

Из художников, оказавших большое воздействие на развитие иконописи, следует назвать Н. А. Вьюнова (1876—1946). Его творческая и педагогическая деятельность, начатая еще в России, с успехом продолжилась

и в Харбине, а ученики Вьюнова братья Задорожные стали самыми известными в Маньчжурии иконописцами. Николай Александрович Вьюнов окончил Одесскую рисовальную школу Общества изящных искусств (1896), после чего уехал в Петербург и поступил на живописное отделение в высшее художественное училище при Академии. В 1900—1901 гг. Вьюнов состоял слушателем педагогических курсов при Академии, принимал участие в практических занятиях, давал пробные уроки в рисовальной школе при курсах. В ноябре 1903 г., представив Совету Академии в качестве дипломной работы картину «У околицы», Н. А. Вьюнов получил свидетельство на звание художника с правом на чин X класса и свидетельство 1-го разряда о праве преподавания рисования в средних учебных заведениях. Получив художественное (в мастерской И. Е. Репина) и педагогическое образование, Н. А. Вьюнов стал преподавать рисование в школе Императорского русского технического общества.

В 1904 г., зачисленный стипендиатом Министерства финансов, он отправился в годичную командировку за границу и в города России для изучения художественно-промышленного искусства, затем работал практикантом на фабрике Фаберже в Москве, изучал постановку образования в Строгановском училище и в училище барона Штиглица в Петербурге, а с чеканкой, эмальерным и столярным делом знакомился в специальных школах Франции. После возвращения из заграничной командировки в сентябре 1906 г. Вьюнова назначили преподавателем и заведующим чеканно-эмальерной мастерской в Екатеринбургскую художественно-промышленную школу, а через три года он стал инспектором этого учебного заведения. В последующие годы Н. А. Вьюнов неоднократно выезжал за границу. Так, в 1907 г. он отправился изучать технику гравюры на металле, в 1911 г. — для совершенствования в эмальерном деле, а в 1914 г. — для изучения памятников искусства. С этой целью он объехал Австрию, Германию, Италию, Францию, Англию, Швецию, Норвегию и Данию.

В 1915 г. Н. А. Вьюнов был избран на должность директора Читинской художественно-промышленной школы. Приступив к новой работе, он прожил в Чите более пяти лет, а в 1921 г. эмигрировал в Китай. Преподавать в учебных заведениях Харбина Н. А. Вьюнов стал с 1921 г. — сначала в 1-м смешанном реальном училище, а затем в гимназиях Христианского союза молодежи, имени Оксаковской, имени Достоевского и других средних учебных заведениях. Кроме педагогической работы, большую часть его времени занимала и творческая деятельность — написание картин, выполнение росписей в храмах, участие в выставках, общественная работа. Вьюнов состоял в обществе «Икона», объединявшем художников-иконописцев. В 1936 г. художественная и педагогическая общественность Харбина отметила 30-летний юбилей творческой деятельности Николая

Александровича. В Харбине оказалось много тех, с кем он был знаком по Петербургу, Екатеринбург и Чите. Большинство из них являлись его учениками, постигали азы рисования и изобразительного искусства под его началом. Некоторые впоследствии стали художниками, приобрели широкую известность и всегда с благодарностью вспоминали своего учителя.

Особое место в культурной жизни русских эмигрантов в Китае занимала художественная деятельность пятерых братьев Задорожных (Василий, Иван, Николай, Петр, Федот Степановичи). Пять братьев-художников — случай сам по себе уникальный, поэтому их судьба, история жизни и творчества заслуживают особого внимания. Как удалось выявить в результате исследований, трое старших братьев (Федот, Николай и Петр) окончили Читинскую художественно-промышленную школу, Иван до эмиграции успел проучиться там же только один год, а самый младший из братьев, Василий, учился у бывшего директора этой школы Н. А. Вьюнова уже в Харбине на трехгодичных курсах (1927—1930). Иван, как и все его братья, тоже имел художественные способности, но в Харбине продолжил образование сначала в общественной гимназии, которую окончил с золотой медалью, а затем в политехническом институте и стал не художником, а инженером-архитектором. Самый старший, Федот, все годы эмиграции жил в Шанхае, где в сане дьякона служил в женском монастыре, а в 1947 г. вместе с монастырем эвакуировался в Сан-Франциско, продолжая службу при монастыре и занятия живописью. Почти во всех храмах, построенных в годы эмиграции в Харбине, иконы и стенные росписи выполняли трое братьев Задорожных (Николай, Петр и Василий). Петр тоже, как и Федот, принял сан дьякона и до конца жизни находился при храмах, активно занимаясь иконописью. Николай в 1933 г. уехал из Харбина в Шанхай, где неоднократно устраивал выставки своих произведений, а в Тяньцзине основал Российскую художественную школу и преподавал в ней более 10 лет. Как и Федот, в 1947 г. он перебрался в Америку и поселился в Майами, написал большое количество икон для храмов в Детройте, Вашингтоне, Торонто, Ванкувере, Сиэтле, Бирмингеме и других городах, служил при храмах в качестве звонаря. Петр вслед за братьями переехал в Америку спустя пять лет, поселившись в Сан-Франциско, где тоже продолжал заниматься живописью, служил дьяконом и протодьяконом при храмах. В Шанхае, а также в Тяньцзине с 1934 г. работал архитектором и Иван Задорожный, затем вернулся в 1945 г. в Северный Китай, а спустя три года отправился в Аргентину, где проработал до 1959 г., после чего перебрался к братьям в США, поселившись в Сиэтле.

Более всего пришлось испытать невзгод самому младшему из братьев Василию, который в 1945 г. был арестован в Харбине органами НКВД, репрессирован и находился 10 лет в ГУЛАГе (реабилитирован в 1960 г.).

После освобождения он жил несколько лет в Караганде и, получив реабилитацию, переехал в Ленинград, стал членом Союза художников. В 1975 г. он уехал к братьям в Америку, жил до конца жизни в Сан-Франциско. К сожалению, сегодня в Харбине и других городах Китая, где работали братья Задорожные, практически ничего из их работ не сохранилось — многие храмы утрачены, исчезли и тысячи икон, выполненных ими, зато имеются следы их творчества в виде росписей и икон в храмах американских городов. Пейзажные работы, портреты и другие творческие произведения сохраняются также в семейных коллекциях их вдов и детей. Например, некоторые из работ автору статьи довелось видеть во время поездки в Америку три года назад у Елизаветы Петровны Задорожной, вдовы И. С. Задорожного.

В среде русских художников-эмигрантов в Китае своим профессионализмом выделялись выпускники Петербургской Академии художеств (А. А. Бернардацци, Н. А. Вьюнов, Л. К. Гринберг, К. Х. Денисов, П. В. Николин-Тепляков, В. Е. Панов, П. Ф. Федоровский) и Московского училища живописи, ваяния и зодчества (М. А. Кичигин, В. С. Подгурский, А. Е. Степанов). Можно отметить и их собратьев по профессии — выпускников художественных училищ Одессы, Казани, Екатеринбурга и Читы. Работали в Харбине и живописцы-любители, не имевшие профессионального художественного образования. Они в основном занимались рекламными работами, однако среди них находились и такие, кто выполнял портреты по заказам и даже росписи в храмах (например, братья А. И. и Н. И. Орлик, В. Н. Осипов, Р. С. Ананьин, А. Н. Гуляев и другие, графикам-гравером работал бывший лесовод М. К. Дарвин). На художественных выставках, организуемых в городах Маньчжурии, можно было часто видеть работы архитекторов, одинаково плодотворно занимавшихся и архитектурой, и изобразительным искусством. Занимались живописью и некоторые инженеры — выпускники Харбинского политехнического института, например Ю. В. Смирнов, Е. А. Уласовец, Р. С. Ананьин и другие.

Нельзя не отметить творческую деятельность в Харбине еще одного русского художника — Владимира Евгеньевича Панова (1870—1943), который в составе группы художников Благовещенска (А. А. Александров, С. И. Володченко, Е. Н. Трофимовская) поехал в Сахалин для устройства там совместной выставки картин, а оттуда в Харбин. Оставшись в Харбине, В. Е. Панов написал несколько новых картин и в декабре 1921 г. организовал персональную выставку — сначала в Железнодорожном, а затем в Коммерческом собрании. Обе выставки имели успех не только в чисто творческом отношении, но и в материальном плане: несколько его картин были проданы. Проработав почти 10 лет в Коммерческом училище, художник в 1930 г. оставил службу, полностью отдавшись занятиям

живописью. В январе 1934 г. совместно с художниками А. Е. Степановым и В. П. Казновым он устроил большую выставку работ в Торговом доме И. Я. Чурина, имевшую огромный успех у посетителей.

В результате многолетних поисков автору удалось проследить творческий путь яркого представителя русской художественной интеллигенции — архитектора и художника П. Ф. Федоровского (1864—1944), имя которого было хорошо известно в Томске, Тамбове, Нижнем Новгороде, Elizavetgrade, Владивостоке и других городах дореволюционной России. Федоровский пользовался большой известностью и в Харбине, где прожил почти четверть века. В периодической печати 1920—1940-х гг. довольно часто можно было встретить упоминание его фамилии — то в связи с успехами учеников, то в связи с выставками, или как активного общественного деятеля. В октябре 1944 г. почти все газеты откликнулись на смерть художника не только обычными некрологами, но и статьями о его жизненном пути. В печати отмечалось, что он был одним из основателей политехнического института во Владивостоке, а в Харбине стяжал большую известность и популярность среди студенчества как профессор местных высших учебных заведений. Имели большой и неизменный успех картины покойного на местных выставках художников. Собранные по крупицам сведения позволяют проследить жизненный путь Федоровского и восстановить главные вехи его творческой деятельности во многих городах России и в Харбине.

Исследования автора позволили выявить сведения о творчестве еще одного замечательного русского художника — Николая Лонгиновича Кощевского (1901—1966). Нелегально перебравшись в 1922 г. из Владивостока в Харбин, он вскоре отправился в Европу для получения художественного образования. Пребывание в течение шести лет во Франции, обучение в Академии Жюльен у известных профессоров дало свои результаты. Все эти годы он осваивал не только рисунок и живопись, но занимался скульптурой и изучал архитектуру. Всесторонняя подготовка позволила пройти в Париже основательную школу. Кощевский участвует в выставках, в том числе в Салоне голландских мастеров в Амстердаме, где несколько его работ были приобретены амстердамским музеем «Новое искусство». Знакомство с художниками и другими деятелями русской культуры, буквально наводнившими Францию, помогало налаживать контакты и иметь заказы на творческую работу. Принимая активное участие в жизни русской эмигрантской общины, Н. Л. Кощевский стал членом общества «Икона» по изучению русских древностей.

В Китай Н. Л. Кощевский вернулся в 1931 г., сначала в Тяньцзинь, а спустя год переехал в Пекин. Жизнь в Пекине была насыщенной — занятия со студентами сменялись изучением антропологии и беседами

с известным русским антропологом С. М. Широкогоровым, отдых часто совмещался с работой на пленэре — непосредственно во дворе Кощевский занимался лепкой, писал портреты китайцев, кого-нибудь из членов семьи или знакомых. В 1930-е гг. его персональные выставки устраивались ежегодно, и на каждой из них художник выставлял от 50 до 80 картин. Почти все его произведения составляли две основные группы — это портреты и пейзажи с видами исторических мест Пекина. Причем во всех работах, как отмечалось в рецензиях и отзывах, не было однообразия. В пейзажах, особенно осенних, художник мастерски передавал настроение, в них чувствовалось «золото пекинской осени, с ее необыкновенной кристальной прозрачностью, глубиной перспективы, четкостью контуров».

Перебравшись в 1939 г. в Дайрен, Кощевский и там стал преподавать рисунок и живопись в Российской гимназии. Буквально за короткое время художник создал целый ряд произведений, ставших основой большой персональной выставки, организованной в сентябре 1940 г. На выставке были представлены 74 работы, большинство из которых составляли портреты. Местная пресса восторженно отмечала успех выставки, о ней сообщалось и в харбинской печати: «Выставка картин худ. Н. Л. Кощевского очень красочна. Есть такие ценные полотна, как портрет Бетховена, портрет жены художника, чудесная картина, похожая на акварель, изображающая малолетнюю дочь художника и т. д. Красочны пейзажи Пекина и его окрестностей — среди них есть несколько очень сильных картин. Запоминается „Истина“ — с лицом Христа, картина на сюжет ночного предгрозового моря... Перечислить все удачные полотна трудно. Среди них занимают (чуть ли не одно из первых мест) замечательные портреты китайцев — они настолько выпуклы и талантливы, что некоторые из них хочется назвать шедеврами». Автор заметки, отмечая особую работоспособность и основательную школу художника, обратил внимание на то, что у «Н. Л. Кощевского есть ко всему этому и то, чему научиться нельзя, а с чем нужно родиться — у него большое художественное дарование и чутье, и ему есть что сказать красками»¹. Художник с большим интересом писал портреты китайцев, всякий раз выбирая разные их типы. Именно это и привлекло внимание антрополога С. М. Широкогорова в творчестве художника. Ученый планировал иллюстрировать свои научные труды портретами, созданными Кощевским. Создавая портреты китайцев в технике масляной живописи, Н. Л. Кощевский достиг в этой области блестящих результатов. Надо полагать, что и общение с антропологом С. М. Широкогоровым принесло свои результаты.

¹ Заря. 1940. 30 сент.

Довольно продолжительный отрезок жизни Кощевские провели и в Харбине, где Николай Лонгинович стал преподавать рисунок и живопись в политехническом институте. В 1949 г., после провозглашения Китайской народной республики, начался массовый исход оставшихся русских эмигрантов из Китая. Многие семьи уезжали под давлением новой власти, но Кощевскому предлагали остаться, так как ценили его преподавательские способности. Прожив в Харбине до 1952 г., семья Кощевских выехала в Австралию с советскими паспортами, не теряя надежды именно там получить визы для возвращения в Россию. В 1955 г. Кощевские отправились с зеленого континента в Англию, а оттуда — в Россию.

Судьба отпустила художнику Н. Л. Кощевскому ровно 65 лет жизни, и ни одним днем больше. Он умер 5 декабря 1966 г. — в тот же день, что и родился. Автору статьи удалось несколько лет назад отыскать в С.-Петербурге дочь художника Наталью Николаевну Кощевскую, благодаря которой были получены дополнительные сведения. Из бесед выяснилось, что в их семье имеется большая коллекция работ отца. При этом Наталья Николаевна посетовала, что работы, хранившиеся в их мастерской, могут пропасть. Впоследствии автору статьи удалось привлечь к коллекции работ Кощевского внимание работников Приморской картинной галереи во Владивостоке, где он начинал как художник. В результате переговоров и работы экспертов коллекция в конце 2006 г. была приобретена Приморской картинной галереей. Хочется верить, что скоро, после проведения реставрационных работ, работы художника Николая Лонгиновича Кощевского могут снова увидеть тысячи любителей искусства.

Для многих художников занятия живописью на чужбине служили едва ли не основным средством к существованию. От продажи выставленных картин зависела дальнейшая жизнь художника и его семьи, возможность продолжения творческой деятельности. Кто-то, не выдерживая сложностей и не видя выхода из тяжелого положения, пытался искать его в алкоголе, как, например, художник П. М. Доброгаев, а кто-то пытался продолжать борьбу со всеми невзгодами и превратностями судьбы.

Как показали исследования, среди многих сотен русских художников, оказавшихся после Гражданской войны в китайской эмиграции, было немало таких, кто был известен в дореволюционной России, но позднее все они были незаслуженно забыты. Возвращая из небытия их имена, мы отдаем должное их заслугам, одновременно восполняя пробелы в нашем искусстве и в целом в российской культуре.

П. М. Доброгаев. Портрет Салищева. 1922

Н. Д. Коцевский. Портрет китайской актрисы. 1930-е

Н. Л. Коцевский. Китаец с трубкой. 1930-е

Братья Задорожные с отцом (в центре). Чита. 1922